

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

"Третий человек" и проблема причастности у Платона

Патронников Илья Андреевич

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия
E-mail: patrilya@rambler.ru*

«Третий человек» и проблема причастности у Платона

Первая часть диалога «Парменид» посвящена исследованию трудностей, которые порождает теория идей. Здесь дается ее сжатое изложение: «... Какие-то идеи сами по себе, с одной стороны, и то, что им причастно, с другой, существуют отдельно» (130b). В этом суждении необходимо выделить три момента: 1) существование идей самих по себе (*εἰδῆ αὐτὰ*), 2) причастность (*μετέχειν*) к ним вещей (слово «вещь» здесь употребляется преимущественно в значении английского particular: единичный предмет, данный нам в опыте) и 3) их – идей и вещей – раздельное существование (*χωρισμός*). О самостоятельном существовании сказано в «Федоне» (одном из ранних «средних» диалогов, в которых теория идей выражена более-менее эксплицитно); это не значит, что Платон не думал так и раньше (Кан полагает, что аргументация «Менона» не может считаться завершенной без признания существования идей [2,163]). То, что Платон отделял идеи от вещей также видно из «Федона»: здесь выделяются два рода вещей (79b), которым приписываются противоположные предикаты: зримость – незримость, познаваемость чувствами – мыслью, изменяемость – неизменяемость. Что касается причастности, то, несмотря на повсеместное употребление этого или похожих терминов для описания отношения идей и вещей – *παρουσία, κοινωνία* (100d), – отношение это не было проблематизировано [1,26; 2,350].

Аристотель считал самым уязвимым местом в Платоновской теории как раз оторванность идей от вещей, в которых они воплощаются (991a 10). Мало простой констатации, что идеи и вещи – два совершенно различных типа объектов, ведь в этом случае остается непонятным, что первые дают для решения проблем онтологического и гносеологического характера, – то, для чего теория идей была создана. Поэтому так важно было подвергнуть рассмотрению категорию причастности.

При ее исследовании Парменид предлагает Сократу альтернативу: мыслить идеи наподобие вещей – как имеющие величину, протяженность, или исходить из их качественного различия. В первом случае причастность можно представить натуралистически: как простое деление идей на части; но это приводит к абсурдным следствиям (131c-e). Во втором – предварительно можно сказать только то, что общая идея присутствует во всех вещах, обладающих общим свойством. Но и этот путь не лишен логических трудностей – и их выявляет аргумент «третий человек».

«Когда много каких-нибудь вещей кажутся тебе большими, то, окидывая взглядом их все, ты, пожалуй, видишь некоторую единую и тождественную идею и на этом основании самое великое считаешь единым». Если затем рассмотреть эти великие вещи и само великое, «обнаружится еще некое единое великое, благодаря которому все это должно представляться великим», и так далее (132a-b). Аргумент построен на regressus ad infinitum, и, кажется, он не оставляет теории идей шансов на спасение.

Властос начинает анализ аргумента с выделения его логической формы. По его мнению, он состоит из двух шагов:

A1. Если a, b, c обладают свойством F , существует идея F -ness, посредством которой мы познаем a, b, c как обладающие свойством F

A2. Если a, b, c и F -ness обладают свойством F , существует идея F_1 -ness, посредством которой мы познаем a, b, c и F -ness как обладающие свойством F .

Но, чтобы аргумент работал, необходимо ввести два допущения:

A3. Самопредикцирование среди идей: F -ness есть F

A4. Если нечто обладает определенным свойством, оно нетождественно идее, посредством которой мы познаем это свойство: Если x есть F , x не тождествен F -ness

И, наконец, чтобы сделать регресс в бесконечность оправданным, нужно подставить F -ness в A4 (на основании A3):

A5. Если F -ness есть F , F -ness не тождественна F -ness [4,326].

Иначе говоря, для познания идеи F -ness необходимо привлечь идею F_1 -ness, что делает познание единичной вещи a невозможным, поскольку идея, с помощью которой это познание осуществляется, сама для своего познания требует новой идеи, и этот ряд уходит в бесконечность.

Очевидно, что без допущений аргумент работать не будет: если не признать, что идея обладает тем же свойством, что и зависимые от нее единичные вещи, второй шаг окажется некорректным. Второе допущение очевидно, когда речь идет о единичных вещах: справедливые поступки нельзя назвать справедливостью самой по себе, но можно ли говорить о ней самой, что она справедлива? Ответ на вопрос зависит от того, допускаем ли мы самопредикцирование по отношению к идеям.

В Платоновском корпусе есть места (Протагор 330c-d, Лисий 217d), где самопредикцирование явно допускается, но, во-первых, «Протагор» и «Лисий» - ранние диалоги, и, во-вторых, оно может быть связано с некритичным употреблением терминов (точно так же, как в некоторых диалогах говорится о присутствии идей в вещах в пространственных терминах), обусловленным особенностями греческого языка [2,333].

В более поздних диалогах нет подтверждения тому, что Платон считал такое самопредикцирование возможным. В «Федоне» для описания идей используются совершенно иные термины, нежели для описания вещей, так что между ними, по-видимому, пролегает различие качества, а не степени (78c-79b). Точно так же в «Пире», по словам Диотимы, Красота сама по себе отличается от всех ее земных проявлений, не знает ни рождения, ни гибели [3,21]. Далее, когда в «Государстве» говорится, что идеи постигаются только умом, становится ясно, что предикаты, применяемые к чувственным предметам, не могут быть отнесенными к ним (510e-511b).

К тому же очевидно, что идей движения, становления и подобных им процессов не могут двигаться и становиться, как того требует первое допущение [4,339].

Значение аргумента «третий человек» для теории идей заключается в том, что он ограничивает пути ее развития. Если до «Парменида» идеи могли считаться идеальными образцами свойств, которые мы находим в мире опыта (так можно понять место из «Федона», в котором говорится о равном в нашем мире, стремящемся уподобиться идеальному равному (74d)), то аргумент показал трудности, связанные с этим подходом.

Однако отрицание всякой общности между вещами и идеями возвращает к проблеме их изолированного существования, которая, если ее не решить, делает теорию идей

уязвимой для критики.

Литература

1. 1. Gutrie W. A History of Greek Philosophy, vol. 5. Cambridge University Press, 1978
2. 2. Kahn C. Plato and The Socratic Dialogue. Cambridge University Press, 1996
3. 3. Scolnicov S. Plato's Parmenides. University of California Press, 2003
4. 4. Vlastos G. The Third Man Argument in Parmenides. The Philosophical Review, 1954
5. 5. Платон. Диалоги в 4-х томах, М., 2008